

ФЕНОМЕН СОВЕТСКОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО АГИТПРОПА

Статья посвящена анализу антирелигиозной и антицерковной пропаганды, которая осуществлялась в стране в советский период. Автор выясняет структуру, цели и задачи, направления, формы и методы проведения антирелигиозных кампаний, их содержание и результаты. Статья основана на большом фактическом материале и позволяет понять феномен советских антирелигиозных практик.

Известно, что большевистская партия в своей деятельности большое значение придавала агитации и пропаганде, рассматривая их как важнейшее средство борьбы за революцию, социализм, коммунизм, формирования человека новой формации. В свою очередь, в системе агитпропа особое место по масштабам организации и интенсивности ведения занимала антирелигиозная и антицерковная пропаганда, которая началась с первых лет советской власти наряду с другими мерами воздействия на религию и церковь. В этом деле в предвоенный период особо «отличился» «Союз воинствующих безбожников» – организация, созданная в 1925 г. и ставшая почти одиозной благодаря тем формам, методам и средствам ведения антицерковной, антирелигиозной работы, которую она использовала. С самого начала своей деятельности антирелигиозники из «Союза» взяли на вооружение хлестко-оскорбительный тон по отношению к религии, церкви, верующим, издевательство, искажение истории церкви, подстрекательство, политическое доносительство, привычку окарικатуривать все, что связано с верой, организацию шумно-крикливых кампаний и т.п., одним словом, все, что в той или иной степени будет воспроизводиться их идейными восприимчивыми в 1940–60-е гг., на материалах которых мы и рассмотрим предложенный для обсуждения в статье вопрос.

Зная фактическую историю, можно предположить, что никакого атеистического воспитания и даже атеистической пропаганды в Советском государстве никогда не было. Был воинствующий атеизм, была антирелигиозная, антицерковная борьба, в том числе и средствами пропаганды. Как справедливо заметил Л. Митрохин, у нас в стране в советский период «воинствующий атеизм был не просто доктриной, а особым институциональным образованием, включавшим в себя специальные организации и комитеты, “служебные инструкции”, их фанатичных исполнителей, репрессивный аппарат, направленный против верующих и систему апологетики безбожия» [1. С. 69]. Еще более образно, но очень точно нарисовал систему атеистического воспитания В. Шевелев: «Мне рисовалась некая “Крепость” со многими этажами. Верхний этаж занимал сектор Центрального Комитета партии. Чуть ниже располагался Совет по делам религии при Совете министров СССР. Неподалеку от него – соответствующий отдел Комитета государственной безопасности.

Этажом ниже размещалась научная часть крепости: Институт научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедры научного атеизма в университетах и институтах.

Все нижние этажи были отданы практике – лекторские группы при райкомах и обкомах партии, лекторий Всесоюзного общества «Знание», добровольцы-пенсионеры, ведущие индивидуальную работу с верующими, журналисты, специализирующиеся на атеистической проблематике. Задача у всех, населяющих эту кре-

пость, была одна: поставить под контроль все, что называлось духовным миром человека» [2].

В 1940–60-е гг. сама организация антирелигиозной пропаганды прошла несколько этапов, которые определялись общей политикой партии и государства по отношению к религии, церкви, верующим. С началом войны, когда Сталин задумал использовать церковь и верующих в своих общих целях, антирелигиозная пропаганда значительно поутихла, да и, возможно, время не располагало к ней. С 1941 г. перестала выходить газета Союза воинствующих безбожников, да и сам Союз, став не востребовавшимся, фактически самораспустился.

Потепление отношения к РПЦ и некоторым другим религиозным организациям со стороны государства с 1943 г. вовсе не означало, что оно отказалось от своей стратегической цели – уничтожения религии, просто на некоторое время перестали «выпячивать» эту проблему. Антирелигиозную пропаганду перевели в плоскость распространения и расширения пропаганды материалистических взглядов, естественно-научных и научно-технических знаний, о чем и было заявлено в постановлении ЦК ВКП(б) в 1944 г. «Об организации научно-просветительской пропаганды» [3. С. 71]. Таким образом, партии удалось сохранить баланс между политическими (использование церкви) и идеологическими интересами (необходимость вытеснения религиозных представлений).

Определенным усилением антирелигиозной пропагандистской риторики, по мнению Д. Пospelовского, был отмечен 1947 г. В центральных газетах вновь появились публикации, поднимавшие вопрос о несовместимости религиозной веры, например, с учительством, пребыванием в комсомоле и т.п. В «Учительской газете» писали, что теория «безрелигиозного воспитания» ложная, в советской школе образование может быть только антирелигиозным. Главный идеологический орган партии журнал «Большевик» провозгласил, что борьба против религии есть борьба против реакционной буржуазной идеологии. Том Большой советской энциклопедии вышел со статьей, в которой подтверждалась непримиримость ВКП(б) по отношению к любой религии. В этом же году для популяризации научных и политических знаний основывается Всесоюзное общество по распространению научных знаний, которое уделяло большое внимание антирелигиозной проблематике [4. С. 276].

После смерти Сталина в 1953 г. признаки возможного изменения положения церкви в СССР стали более отчетливыми. Газетные статьи предвещали новое «похолодание» в религиозном климате. В них стали больше писать о запущенности антирелигиозной пропаганды, о том, что религиозные организации в СССР воспользовались войной и принесенными ею трудностями для улучшения своего положения, расширения своей сети, вербовки новых членов. Более резких выпадов против церкви, духовенства и верующих пока еще не

было. Преодоление религиозных пережитков виделось как результат глубокой, терпеливой, умело поставленной пропаганды. Подчеркивалась важность этой работы на фоне небезуспешной миссионерской деятельности религиозных организаций. Напоминалось, что именно с помощью религии «империалистическая буржуазия» стремилась влиять на верующих в Советской стране. Все эти и другие положения и обоснования необходимости ведения атеистической пропаганды были официально изложены в постановлениях ЦК КПСС 1954 г. (июль, ноябрь), возобновивших практику непрерывной антирелигиозной работы.

Как же велась эта работа на местах, как воплощались в жизнь многочисленные партийные постановления об ее усилении в 1950–60-е гг., что она значила для верующих?

В арсенале средств, которые использовали партийные организации в антирелигиозной идеологической борьбе, ведущее место занимали различные формы устной атеистической пропаганды: лекции, беседы, читки, конференции, книжные выставки, радио и кинолектории. Лекционная атеистическая пропаганда, в частности, осуществлялась в 1940–60-е гг. по трем основным направлениям: по линии Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и его областных, городских, районных отделений; по линии лекционных бюро, существовавших при управлениях культуры областных, городских и исполнительных районных комитетов; принимали участие в лекционной пропаганде группы докладчиков обкомов, горкомов, райкомов партии.

Возглавляли эту работу парткомитеты разных уровней, которые принимали соответствующие решения и постановления. В каждом из них, касавшемся состояния антирелигиозной работы, в качестве обязательного был пункт о состоянии лекционной пропаганды. Причем по традиции каждое следующее постановление констатировало неудовлетворительное выполнение предыдущего, плохую постановку лекционной антирелигиозной работы. В какой-то степени можно понять парторганизацию: были периоды, когда в отдельных населенных пунктах лекции атеистического содержания не читались годами или их было столько, что это не могло отвечать задачам партии по борьбе с религией. К таким выводам, например, пришли Кемеровский обком КПСС, принявший в 1951 г. постановление «О состоянии научно-атеистической пропаганды в Троицком районе», Новосибирский ОК КПСС (постановление 1952 г. «О состоянии антирелигиозной пропаганды в Сузунском районе»), Алтайский краевой комитет КПСС (постановление 1952 г. «О серьезных недостатках в научно-атеистической пропаганде в Рубцовском и Кулундинском районах») и др. [5–7].

Подобного рода постановления, содержащиеся в них оценки и требования на какое-то время оживляли работу по антирелигиозной пропаганде. Затем она сворачивалась, пока вновь не выходило новое постановление. Вывод о цикличности и периодичности пропагандистских антирелигиозных кампаний едва ли будет кем-то оспариваться. Это, правда, не означало, что были периоды, когда атеистическая пропаганда совсем не велась, речь идет только о размахе и интенсивности этой работы.

Партийные организации понимали, что для антирелигиозной работы нужны были более-менее подготовленные кадры, чтобы сделать ее глубокой и массовой. Но именно таких кадров для атеистической лекционной пропаганды никогда не хватало. Ведь после того как почил «Союз воинствующих безбожников», осталось немного добровольцев заниматься этим участком идеологического воспитания. В конце 1940 – начале 1950-х гг. в научно-атеистических секциях областных отделений Всесоюзного общества по распространению знаний насчитывалось не более десятка человек. В эти годы парткомитеты с понятной для них тревогой констатировали, что даже в областных центрах не выполнялись планы чтения лекций по естественно-научной и научно-атеистической проблематике; если они и читались, то по узкой тематике, а порою одного и того же наименования. Еще хуже для партийно-пропагандистского дела обстояли дела с кадрами и лекциями в районах и сельской местности.

В условиях нехватки квалифицированных кадров лекторов-атеистов перед слушателями выступали зачастую бесцеремонные, мало знающие, воинствующие безбожники. Целый ряд анекдотов о служителях культа сообщил аудитории лектор Тюменского областного отделения общества по распространению знаний И. Дерябин, в том числе такой нелепый: в купели Тюменской церкви врачи обнаружили миллионы микробов туберкулеза, сифилиса, тифа и других болезней, поэтому кролик, которого искупали, погиб [8. Л. 175]. Член общества по распространению знаний В. Грачев (г. Омск) выступал с лекциями «Наука и религия о происхождении человека» и «Было ли начало и будет ли конец мира?». Но чаще всего он рассказывал о строении Вселенной и происхождении жизни на земле. Выступая с такой темой перед лекторами-атеистами сельских районов, В. Грачев поставил под сомнение все научные открытия, о которых сам же сообщил. А в конце выступления заявил, что «вообще наукой по этому вопросу ничего не доказано» [9. Л. 88–99].

Не могли способствовать росту качественного мастерства лекторов требования излишней идеологизации и политизации лекций на атеистические темы. Например, на бюро Колпашевского ГК КПСС (Томская область) обсудили и осудили лектора Ожерельева, заведующего местным музеем. Его лекции «Происхождение и классовая сущность религии» и «Ватикан и его реакционная сущность» были определены как «порочные», а сам автор был обвинен в «грубых политических ошибках». Чем же были вызваны столь суровые оценки? Лектору ставили в вину, что он обошел молчанием учение о базисе и надстройке, не использовал исторических решений XIX съезда партии [10. Л. 261].

Руководство Новосибирского областного лекционного бюро в 1952 г. высказало претензии лекторам Т. Паневинной и И. Нестеровой за то, что они в своих лекциях не показали США как центр современного религиозного мракобесия. Темы лекции у них соответственно звучали «Наука и религия» и «Сон и сновидения». И наоборот, высоко была оценена лекция В. Яковлевой «Наука и религия о происхождении человека». В такой теме автор сумела «разоблачить гнусную расистскую теорию как идеологическое оружие в руках американ-

ского разбойничьего империализма, показать дружбу народов различных рас и наций у нас в стране, продемонстрировать превосходство советского социалистического строя, советской демократии перед капиталистической». В заслугу лектору было поставлено и то, что она прививала любовь к социалистическому строю и «ненависть к буржуазному строю и американским империалистам» [11. Л. 21–22].

Конечно, правящую партию, имевшую откровенную цель «разоблачения» и уничтожения религии, не могло не волновать, кто и как осуществляет это, как ведется атеистическое воспитание. Выход в свет в 1954 г. сразу двух постановлений ЦК КПСС четко обозначил цели и задачи такой работы и означал новую кампанию в антирелигиозной работе.

В первом из этих постановлений – «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (июль 1954 г.) – было отмечено, что партийные, комсомольские, профсоюзные и прочие организации, призванные заниматься атеистической работой, совершенно отстранились от нее. Потому ЦК партии поставил перед ними задачу «покончить с запущенностью антирелигиозной работы, развернуть научно-атеистическую пропаганду» [3. С. 71–73].

Надо сказать, что для штатных и «заштатных» антирелигиозников это постановление было как «бальзам на душу». Ведь до него высшее руководство страны, начиная с 1940-х гг., когда Сталин стал заигрывать с религиозными организациями, официально не ставило вопрос об антирелигиозной пропаганде. Она, как отмечалось, велась, но выход в свет данного постановления как бы легализовал и катализировал этот процесс.

После выхода июльского постановления ЦК КПСС все областные, городские, районные комитеты партии рассмотрели и приняли в соответствии с ним свои решения, которые практически слово в слово озвучивали документ самой высшей партийной инстанции. Такова была традиция, и никто не смел ее нарушать. При этом все единодушно отметили, что названные в постановлении ЦК КПСС недостатки в организации научно-атеистической пропаганды «целиком и полностью» относятся к каждой области Западной Сибири. В очередной раз повсеместно были разработаны планы мероприятий по улучшению атеистического воспитания путем расширения устной и печатной пропаганды, привлечения к ней агитколлективов, учреждений культуры. Последние должны были заниматься организацией вечеров, конференций, диспутов, книжных выставок по проблемам атеизма и религии.

В постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. была также определена задача привлечь к атеистической работе лучших партийных и комсомольских пропагандистов, интеллигенцию и научные силы. В целях их специальной подготовки Отделу пропаганды и агитации ЦК КПСС поручалось ввести цикл лекций по антирелигиозным вопросам в программу университетов марксизма-ленинизма, а также в программу курсов и семинаров пропагандистских работников, проводившихся местными партийными организациями [3. С. 73].

Действительно, на местах заметно активизировалась работа по подготовке кадров лекторов и пропагандистов атеизма. Для них стали чаще проводиться семина-

ры, курсы, более продолжительные (от 7 до 14 дней) и более тщательно подготовленные. На семинарах и курсах перед антирелигиозниками выступали партийные и советские руководители, уполномоченные советов по делам РПЦ и делам религиозных культов, преподаватели вузов.

Стремительно стала расти численность тех, кто выступал с разоблачениями религии. В 1954 г. в Новосибирской научно-атеистической секции было 10 лекторов, а через год их стало уже 32. С атеистическими темами в Новосибирской и других областях выступали преподаватели вузов и техникумов, научные работники, партийные пропагандисты, медики, учителя. Одновременно осуществлялось обучение навыкам атеистической пропаганды работников учреждений культуры: библиотек, клубов, музеев, даже театров.

Предпринятые меры заметно активизировали антирелигиозное наступление в идеологической сфере во второй половине 1954 г. и в 1955 г., но подъем антирелигиозной работы 1954–1955 гг. сменился спадом, пока в 1958 г. не вышли новые постановления партии, потребовавшие возобновить ее в новых масштабах.

И вновь партийные организации столкнулись с проблемой подготовки кадров антирелигиозников. Для них стали проводиться долгосрочные семинары, создавались атеистические отделения при вечерних университетах марксизма-ленинизма. Зачисленные на эти отделения слушатели, а это в основном были врачи, учителя, преподаватели, инженеры, проходили довольно длительное обучение – от трех и более месяцев. Им читались курсы по философии, теории и истории атеизма, религиоведению. Известно, что слушатели вечерних УМЛ прежде, чем получить диплом об его окончании, должны были пройти пропагандистскую практику, т.е. организовать и провести атеистическое мероприятие.

С конца 1950-х гг. в целом по стране стала складываться система подготовки кадров атеистов более высококвалифицированного уровня. В 1959 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление «Об усилении работы в области атеизма», согласно которому намечалось осуществить конкретные мероприятия по развитию научного атеизма. Был создан Научный совет по координации работ по атеизму при отделении экономических, философских, правовых и исторических наук. В институте философии был организован сектор атеизма. В научно-атеистическую работу включались кафедра философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, кафедра теории и истории атеизма на философском факультете МГУ и другие кафедры общественных наук страны. В институтах вводилось преподавание факультативного курса «Основы научного атеизма».

На местах к пропаганде атеизма тоже стали активнее и шире привлекать высокообразованных людей, специалистов в области технических, естественных и гуманитарных наук. Например, в Томске и перед лекторами-антирелигиозниками, и перед массовой аудиторией много и охотно выступали такие ученые, как профессора Б. Иоганзен, В. Пегель, Г. Перельман, К. Ярошевский, кандидаты наук, которые сделали себе педагогическое имя чуть позже: А. Сухотин, Л. Алякринский, Г. Пелих и др. [12. Л. 70–71].

В планы долгосрочных семинаров, курсов при УМЛ стали вводиться темы, которые раньше не выносились на обсуждение: «Религия – форма общественного сознания» (профессор К. Ярошевский); «Диалектический материализм – философская основа научного атеизма» (А. Сухотин); «Наука и религия о законах развития природы и общества» (профессор Б. Иоганзен), «Происхождение и ранние формы религий» (Г. Пелих), «Научная критика священного писания» (К. Ярошевский). Нам, знающим этих ученых, не приходится сомневаться в теоретической глубине, логичности и обоснованности того материала, который перечисленные авторы пытались донести до своих слушателей. Равно как не вызывает сомнения их искренняя вера в то, что они доказывали, в том числе критикуя и «разоблачая» религию.

В этой связи встает и такая проблема, которую лучше всего сформулировал Л. Митрохин в одной из своих публикаций. Вслед за ним зададим и мы вопросы: как оценивать тех богоборцев, которые искренне считали, что делают необходимое для счастья людей дело, что, уничтожая религию, они творят новый мир, нового человека? Как оценить эту искренность, этот антирелигиозный пафос, эту веру в безграничные возможности человека, которому не нужно никаких высших санкций для своих свершений? У нас нет однозначного ответа на эти вопросы. Думается, ссылками на массовое умопомрачение, на действие «бесовских» сил мало что объяснишь. Ведь, помимо штатных безбожников в пропагандистской работе против религии и церкви, как уже писалось, участвовало немало и известных ученых, деятелей культуры, писателей. Нет оснований полагать, что ими руководил только страх или карьерные устремления. Действительно, в масштабной антирелигиозной пропагандистской кампании 1940–60-х гг. принимали участие не только полуграмотные энтузиасты-агитаторы, не только авторы бездарно-примитивных брошюр, но и маститые естествоиспытатели, этнографы, историки, философы, религиоведы.

«Почему, – спрашивал Л. Митрохин, – много и охотно с позиций атеистического материализма выступали ученые такого ранга, как С.И. Вавилов, А.И. Опарин, А.Н. Несмеянов, О.Ю. Шмидт. Неужели тоже выслуживались?» [1. С. 73]. Сам Л. Митрохин предполагает, что поведение ученых такого масштаба можно объяснить как своеобразный протест против предшествующего религиозного догматизма, против духовного единомыслия предыдущей эпохи.

Возможно, это и так, но если бы они (эти ученые) знали, к какому новому догматизму и единомыслию придет общество, в котором возобладает атеизм в ярко выраженной форме, т.е. догматический, не терпящий возражений! Но ситуация усугублялась тем, что не такие люди, не их знания и воззрения в конечном итоге определяли характер антирелигиозного воспитания и пропаганды.

А размах этой пропаганды в конце 1950-х – начале 1960-х гг. приобрел новые масштабы. Это вновь выразилось в кратном увеличении лекций, газетных публикаций и других мероприятий, имевших антирелигиозное содержание.

В Западной Сибири в это время, помимо традиционных форм лекционной атеистической пропаганды,

активно стали организовываться кинолектории, а также проводиться циклы лекций. Приобрели популярность такие мероприятия, как вечера вопросов и ответов, диспуты. Чтобы привлечь аудиторию, вечерам давались броские названия: «Загадки неба», «Наука и религия о жизни и смерти», «Из ребра ли Адамова?» и т.п. Широко и повсеместно демонстрировались научно-популярные и хроникально-документальные фильмы. Использование в антирелигиозной пропаганде достижений естественных и технических наук стало вообще излюбленным приемом ее организаторов. Например, по поручению Алтайского крайкома КПСС в 1958–1959 гг. лекторы краевого центра, Змеиногорского и Краюшинского районов развернули работу по «разоблачению заблуждений» местного населения по поводу «святости» водных источников в Сорочьем Логу (Краюшинский район) и у горы Синюха (Змеиногорского района). Такая же разоблачительная работа была проведена партийными и лекционными организациями Тюменской области, где в Юргинском районе имелся свой «святой источник». Местные ученые, врачи доказывали людям необоснованность их веры в чудодейственную силу водного источника в местечке Криванково [13. Л. 70; 14. Л. 94].

С конца 1950-х гг. распространенной формой работы партийных организаций по антирелигиозному воспитанию стала так называемая индивидуальная работа с верующими, которую довольно активно практиковали в Новосибирской, Омской областях, Алтайском крае. Надо сказать, что парторганизации брали на себя очень сложную задачу. Ведь от тех, кто собирался или кого «назначали» индивидуально работать с верующими, требовалось многое. Они должны были знать и хорошо разбираться именно в том вероучении, которое исповедовал «закрепленный», знать религиозную литературу, источники, конкретные примеры, быть «психологами», быть в состоянии предложить верующему нечто новое. Едва ли нашлись люди, отвечавшие всем эти требованиям, в те времена, по крайней мере, их были единицы.

С современной точки зрения, оценить попытки этой самой индивидуальной работы можно как грубое и бесцеремонное вмешательство в личную жизнь человека, но в 1940–60-е гг. проблема так вообще не ставилась. Естественно, элемент навязчивости был, хотя объекты «перевоспитания» вряд ли ссылались на свои личные права и свободы.

Действительно, нашлись, хотя и не в таком количестве, как того хотели парткомы, энтузиасты дела «перековки и переплавки» религиозного сознания остальных советских людей. Были у атеистов в этом деле и свои успехи. Например, в поселке Бочаты Кемеровской области семья Боборькиных, все члены которой посещали молитвенные собрания баптистов, после неоднократных бесед с «прикрепленным» к ним агитатором перестали участвовать в жизни секты. Большую индивидуальную работу с членами группы иеговистов проводила заведующая Новиковской сельской библиотекой Асиновского района Томской области Н. Кучина [15. Л. 17]. В городах Чесноковке и Бийске Алтайского края под воздействием индивидуальной работы (так, по крайней мере, считалось), практически распались незарегистрированные организации баптистов. Довольно успешно, с точки зрения постав-

ленных задач, проводили индивидуальную работу с верующими И. Шильдяшов, А. Бобровникова, М. Кашников на Алтае, о чем они рассказали в брошюрах, вышедших в свет в 1960-е гг. [16–18].

Но общий размах и разнообразие средств устной антирелигиозной пропаганды в 1950–60-е гг. вовсе не означали, что партийные организации справлялись с теми задачами, которые сами для себя формулировали. Например, они не смогли решить вопрос с подбором кадров для работы с нерусскоязычным населением. Для ведения антирелигиозной пропаганды среди спецпоселенцев разных национальностей, придерживавшихся к тому же разных исповеданий, требовались не просто опытные агитаторы, но такие, кто мог бы вести работу на одном (в прямом и переносном смысле) языке с верующими. В противном случае огромное их число оставалось вне поля действия организаторов атеистического воспитания. Видимо, даже если бы и нашлись умельцы работать с верующими из числа спецпоселенцев, едва ли их работа могла иметь успех. Слишком специфическими были положение и настроения этих людей, навряд ли они воспринимали общие рассуждения о вере и религии, которые могли предложить им агитаторы-атеисты.

Следует отметить и то, что на протяжении всего периода при подготовке лекторов-атеистов совершенно не учитывалась необходимость их специализации по конфессиональным особенностям тех организаций, которые действовали в той или иной местности. Порою в этой связи встречались и курьезные случаи: в аудитории, где присутствовали, например, католики или баптисты, лектор изобличал православие, а для православных слушателей могли прочесть лекцию о реакционной роли католической церкви и т.п.

Вместо учета всех этих особенностей, партруководство постоянно требовало от лекторов «наступательности в разоблачении религиозной идеологии». Особо недовольно оно было просветительским характером выступлений лекторов. Так, на пленуме Омского горкома КПСС (март 1958 г.) секретарь ГК КПСС Н. Меленков заметил: «Лекции чаще всего носят характер просветительский. Лекторам чужда наступательность, активное раскрытие общественной вредности религии. Научные истины часто излагаются ими объективистски, они не используются лекторами для разоблачения библейских басен и легенд» [19. Л. 27].

Подобные подходы были типичны. Исходили они из укоренившегося в сознании большевиков представления о воинствующем характере материализма, что на практике чаще всего перерастало в воинствующее невежество. Примером может служить лекция Г. Березникова, разработанная в Новосибирском областном отделении общества по распространению политических и научных знаний. Она называлась «О деятельности церковников и сектантов в Новосибирске и Новосибирской области». Автор привел в лекции большой фактический материал, много цифр, примеров по религиозной ситуации в области. Но очевидна односторонность и тенденциозность подбора материала. Уже в самом начале лектор поставил цель познакомить слушателей с «практической враждебной деятельностью православного духовенства и сектантов, которую они вели в

Новосибирске». А для этого он решил ознакомить аудиторию с «силами противника» [20. Л. 1–20].

В тексте явно прослеживалась мысль об антисоветской деятельности верующих, хотя конкретные факты на этот счет не приводились. Специфичен и типичен был язык лекции: «одурманенные верующие», «завербованные», «занимаются мракобесием», «сколько денег липнет к каждому попику» – подобными выражениями пронизан весь текст.

Такой стиль был довольно распространен среди лекторов. Даже самые лучшие и квалифицированные из них строили свои выступления, не выходя за рамки идеологических стереотипов во взглядах на религию, церковь, верующих. Ярче всего это проявлялось в оценке роли религии и церкви в истории человечества и в истории нашего государства. Самыми распространенными темами лекций были «Марксизм-ленинизм о происхождении и реакционной сущности религии»; «Происхождение и реакционная сущность христианства»; «Религиозные праздники и их реакционная сущность» и т.п. Названия варьировались применительно к отдельным религиозным направлениям, праздникам, обрядам, но неизменно в них присутствовал термин «реакционный».

В силу сложившихся идеологических канонов перед кадрами атеистов даже не ставился вопрос о поиске в религии чего-либо положительного. Наоборот, от партийных теоретиков шли постоянные установки на доказательство непримиримости религиозной и коммунистической морали, религиозного и научного знания. Так, в постановлении II Пленума правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (март 1955 г.) было записано, что одной из задач лекторов-атеистов являлось разоблачение сущности религиозной морали, ее противоположности коммунистической. В вечернем университете марксизма-ленинизма при Барнаульском ГК КПСС был введен цикл лекций «Религиозная мораль и ее антинаучная сущность» [21. С. 7; 22. Л. 39].

Борьба с религиозной моралью велась подчас на крайне примитивном уровне. Например, член Всесоюзного общества по распространению знаний И. Киселев (г. Кемерово) в своей лекции «Марксизм-ленинизм о религии» задавал вопрос: «Что было бы с народами, если бы они стали выполнять моральные предписания религии?» И сам же на него отвечал: «Они должны были бы одеть на себя лохмотья (? – Л.С.), разрушить все фабрики и заводы, железные дороги, поломать все орудия труда, забыть все знания о природе, обществе, законах их развития и в таком “божественном виде” идти в леса, строить шалаши, кормиться корнями деревьев и трав, улитками, чтобы затем попасть в царство небесное» [23. Л. 44–45].

Таким образом, видно, что содержательная часть массовой атеистической пропаганды фактически не соответствовала даже тем теоретическим представлениям о религии и атеизме, которые утвердились в это время в советском общественном сознании, не говоря уже о том, что эти концепты, основанные на марксистском материализме, сами страдали односторонностью и догматизмом.

Подтверждение такому выводу дает анализ печатной антирелигиозной пропаганды, осуществлявшейся в

1940–60-е гг. Монопольное владение правящей партией всеми источниками массовой информации давало ей возможности неограниченного идеологического воздействия, в том числе и атеистического.

Вместе с тем можно говорить, что до 1954 г. налаженной системы пропаганды атеистических взглядов на страницах западно-сибирских газет, в общем-то, не было. В них публиковались материалы по научно-техническим и естественно-научным проблемам, хотя и не часто. Специальных атеистических тем было еще меньше. Такое состояние дел, естественно, не могло удовлетворять партийное руководство, о чем оно не преминуло заявить в своих постановлениях 1954 г. В июльском документе ЦК КПСС, например, отмечалось, что «центральные и местные газеты, общественно-политические и художественные журналы занимают позицию сторонних наблюдателей, ...почти прекратили печатание популярных материалов» [3. С. 71].

В решениях, принятых западно-сибирскими областными, городскими и районными комитетами партии вслед за выходом постановлений ЦК КПСС, перед редакциями газет была поставлена задача систематически освещать вопросы естественно-научной и научно-атеистической пропаганды, публиковать популярные материалы, показывать опыт лучших агитаторов и лекторов-атеистов.

Как и должно, такого рода указания стали воплощаться в жизнь. В передовицах областных, районных и многотиражных газет их редакции брали на себя обязательства активно участвовать в формировании материалистического мировоззрения своих читателей, в распространении научных знаний, в усилении борьбы против всякого рода суеверий.

Действительно, начиная с июля 1954 г., газеты значительно увеличили количество публикаций по атеистической проблематике, которые были весьма разнообразны. Будучи органами партийных комитетов, газеты брались отслеживать состояние антирелигиозной пропаганды, называть ее «передовиков», критиковать «отстающих». Одновременно с этим одно из ведущих мест в газетных атеистических материалах стали занимать вопросы теоретического характера: причины возникновения религиозных верований, характеристики отдельных конфессий, так называемая классовая сущность религии и т.п. Практически во всех западно-сибирских газетах были помещены статьи профессоров М. Баскина «Суеверия на службе капитализма», А. Гагарина «Происхождение и классовая сущность христианства», кандидатов наук М. Шахновича «Марксизм-ленинизм о религии», В. Прокофьева «О коммунистической морали» [24, 25].

Все перечисленные статьи были напечатаны по линии Пресс-бюро ТАСС, а авторами их выступали наиболее известные тогда специалисты в области атеизма. Стоит напомнить, что уровень «теоретической глубины» этих публикаций соответствовал сложившимся тогда в советском обществоведении установкам и положениям и не выходил за рамки марксистских представлений о социальных и гносеологических корнях религии, ее классовой сущности и т.д.

Важнейшим направлением своей антирелигиозной деятельности редакции газет считали доказательство на

страницах печати коренной противоположности научного и религиозного знания. Это соответствовало установкам ЦК КПСС, который в постановлении от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды» подчеркивал, что «в современных условиях борьба с религией должна рассматриваться как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучного религиозного мировоззрения» [3. С. 78]. Считалось тогда, что это должно достигаться через популярные разъяснения наиболее важных проблем и явлений в жизни природы и общества, таких как строение Вселенной, происхождение жизни и человека, достижений в области астрономии, биологии, физики, подтверждавших правильность материалистических взглядов на развитие природы и общества.

Публикации газет в этом направлении имели, как правило, броское название, что не могло не привлекать внимание читателей. Основными их темами были: «Наука и религия о жизни и смерти», «Наука и религия о развитии общества», «Религиозные пророчества и научные предвидения», «Наука и религия о происхождении жизни на Земле» и др. В материалах авторов, писавших на эти темы, подчеркивалась коренная противоположность в подходах к объяснению наиболее важных вопросов мироздания со стороны науки и со стороны религии, суть которой сводилась к тому, что научные знания опирались на факты, на научный эксперимент, в то время как религия – только на веру в библейские и другие предания.

Столь же активно газеты пропагандировали и естественно-научные знания. В них систематически публиковались сообщения о развитии мировой и отечественной науки. Так, в газете «Кузбасс» в 1954 г. в рубрике «На естественно-научные темы» было помещено 8 очерков о достижениях ученых в технических и естественных областях знаний. Два года (1955–1956) действовал на страницах «Советской Сибири» раздел «Как познается Вселенная». Его читатели смогли познакомиться с достижениями науки в изучении Земли, Солнца и других планет, узнать, почему мерцают звезды, сколько лет Земле, каковы ее форма и размеры и т.д. В 1957–1958 гг. Томская областная газета напечатала более 20 статей в разделе «Беседы о науке». В них было рассказано о состоянии развития самых различных отраслей советской науки: автоматике и телемеханике, ядерной физики, микробиологии, полупроводниковых приборов, квантовой механики. Заочные беседы с читателями провели доктор и кандидаты наук томских вузов, НИИ, ведущие специалисты и конструкторы предприятий – В. Кессених, Н. Котляренко, М. Тронов, И. Лаптев, Р. Мещеряков. В этой же газете в 1959 г. появилась серия бесед о научно-техническом прогрессе и серия публикаций «На выставке достижений народного хозяйства».

Безусловно, рассказы о достигнутых успехах в познании и освоении окружающего мира были сами по себе весьма полезны. Не исключено, что они содержали и определенный атеистический потенциал. Но все же не стоит преувеличивать антирелигиозного значения такого рода публикаций. Во-первых, многие верующие в силу ряда причин не читали их. А во-вторых,

ясно, что для настоящего верующего научные знания не являлись доказательством отсутствия Всевышнего, а в определенных случаях – и наоборот.

Специальные атеистические темы на страницах западно-сибирской прессы тоже присутствовали, но периодичность и интенсивность их появлений была напрямую связана с общими антирелигиозными кампаниями. Например, это 1954–1955, 1958–1959 гг., т.е. после соответствующих партийных постановлений.

Очередной пик активности газет Западной Сибири в пропаганде атеизма пришелся на 1958–1959 гг. и был обусловлен принятием в этот период новых постановлений и новым антирелигиозным походом.

Надо отметить, что в это время тематика атеистических публикаций стала многообразней и наступательней. Газеты охотно занимались пропагандой литературы антирелигиозного содержания, помещая на своих страницах разделы «Критика и библиография», «Что читать на антирелигиозные темы?», «Советуем прочесть». В 1958–1959 гг. почти во всех газетах были напечатаны рецензии на известную книгу-брошюру Е. Дулумана, бывшего кандидата богословия, «Почему я перестал верить в бога» [26]. Тюменская областная газета заметкой Л. Рождественской рекомендовала читателям книгу, вышедшую в Тюменском книжном издательстве, «Сектантские сети». В этой небольшой брошюре были собраны антирелигиозные материалы местных авторов и письма людей, порвавших с религиозными организациями [27].

Самой излюбленной формой подачи антирелигиозного материала у редколлегий газет была публикация писем людей, бывших в свое время верующими, но потом отошедших от религии. Надо признать, что такой материал всегда вызывал широкий читательский интерес. Используя данную форму работы, газеты прибегали к перепечаткам из других периодических изданий. Например, во всех областных газетах были помещены открытые отречения от церкви кандидата богословия П. Дарманского, протоиерея П. Скворцова, профессора Ленинградской Духовной академии А. Осипова, настоятеля молитвенного дома Н. Спасского [28].

Летом 1958 г. на страницах «Алтайской правды» выступил бывший член группы ИПХ Н. Чернигов, житель Змеиногорского района. Он рассказал о том, как попал в секту. Поскольку ряд требований этой религиозной организации (отказ от паспорта, воинской обязанности) вступал в явное противоречие с законом, Чернигов неизбежно был вынужден нарушить его, за что и был наказан. По сути, жизнь была искалечена, поэтому бывший сектант призывал членов организации ИПХ задуматься о своей дальнейшей судьбе [29]. Призыв нашел отклик. Через год в газете было напечатано еще одно письмо, с которым к истинно-православным христианам обратился П. Штанько из г. Змеиногорска. «Первым толчком к моему разрыву с сектой, – писал он, – послужила статья в газете “Алтайская правда”, которую написал мой друг, бывший сектант Н. Чернигов» [30]. Подобного рода рассказы-исповеди были нередки. Сегодня трудно оценить, насколько верным было все изложенное в них, насколько искренними были их авторы, но то, что подобные сюжеты вызыва-

ли интерес и многочисленные отклики читателей, сомневаться не приходится.

Не столь идеологически заостренным, но тоже весьма показательным был разговор на страницах Кемеровской областной газеты «Кузбасс». Начался он с публикации письма электрика шахты «Капитальная» А. Киселева под названием «Как мне поступить?». В нем излагалась незатейливая история: Киселев полюбил девушку, хорошую, но соблюдавшую все религиозные обряды. Узнав, что ее друг даже не крещен в церкви, она решила разорвать с ним, если он не примет веру. Вот рабочий и спрашивал совета, как ему поступить? Редакция попросила читателей принять участие в судьбе молодого парня, высказать свое мнение [31].

Советчиков нашлось много. Читательница из г. Осинники В. Никитина писала: «Верующим людям не только при коммунизме, но даже при социализме нет места». Она категорически посоветовала Киселеву расстаться с подругой. Т. Бокова и И. Шевцова заметили, что если девушка – человек религиозный, это ее личное дело, поэтому не надо заниматься ее перевоспитанием. Читательницей А. Носатовой был предложен компромисс: «Религия все равно сходит со сцены, поэтому не стоит из-за нее ссориться с любимой девушкой. Ничего с вами не случится, если вы окреститесь» [32]. Такой спектр мнений в письмах читателей в определенной мере отражал существовавшие тогда отношения людей к религии.

Но газеты не ограничивались только подобными, несколько даже романтичными материалами о вере и верующих. Гораздо чаще публиковались такие, где рисовалась ужасная картина фанатизма и крайности в проявлении религиозных чувств. Цель подобных публикаций была проста: вызвать у читателей отвращение, возмущение к верующим и религиозной вере.

В городской газете Анжеро-Судженска была заметка о судьбе 15-летней баптистки Е. Эверт. Ее родители в силу своих религиозных воззрений не отдавали дочь в больницу, чем значительно осложнили течение болезни [33].

В 1959 г. во многих газетах Омской области были напечатаны статьи по поводу суда, состоявшегося в Москаленском районе над сектантом А. Гертером. Он был наказан за жестокое избиение своей малолетней дочери Эммы, послушавшейся запрета отца и вступившей в пионеры. Как и что на самом деле произошло в семье Гертеров, сегодня невозможно точно знать, но в газете был нарисован жуткий образ отца – религиозного фанатика [34]. Вообще подобные сюжеты были часты в антирелигиозной пропаганде 1950–60-х гг.

Таким образом, очевидно, что периодическая печать активно использовалась правящей партией и государством для проведения антирелигиозной, антицерковной пропаганды.

Вместе с тем анализ газет Западной Сибири за 1940–60-е гг. дает возможность еще раз убедиться в тех пороках и изъянах, которые соответствовали всей атеистической пропаганде этого периода. Даже не очень глубокое изучение газетных публикаций приводит к выводу, что большая часть их отличалась поверхностно-примитивным подходом к явлениям жизни, связанным с религией, малоаргументированностью многих положений, относившихся к ее критике.

Ни в одной газете ни разу не было положительных отзывов о какой-либо религиозной организации, ее руководителях, шел только негативный материал. Верующие люди, их мир, жизнь и чувства не были интересны партийной печати. Если о ком и писали, то исключительно о тех, кто по каким-либо причинам отошел от религии. Не думается, что факты такого рода были сфальсифицированы, но то, что каждый из них использовался в качестве антирелигиозной «агитки», это безусловно.

Как показывает анализ опубликованных материалов, многие их авторы или вообще не разбирались в особенностях вероучения и культа того или иного религиозного направления, или не считали эти особенности принципиальными в силу общего негативного восприятия веры.

Вместе с тем становятся очевидными следующие закономерности. Несмотря на огромные усилия и довольно широкий размах антирелигиозной пропаганды, правящая партия никогда не была довольна ее постановкой. В 1940–60-е гг. не было ни одного партийного постановления разного уровня (а их было за это время принято разными парткомитетами множество), в которых бы не высказывалась крайняя озабоченность состоянием антирелигиозной работы, неудовлетворительные оценки атеистической пропаганды и предложения по ее улучшению.

Оценка своей работы как неудовлетворительной объяснялась не только хваленой большевистской критикой и самокритикой. Можно назвать несколько причин, объяснявших недовольство состоянием и результатами антирелигиозной работы.

Первая из них заключалась в укоренившейся привычке считать, что через масштабные воспитательные и перевоспитательные акции можно абсолютно переделать человека, изменить его сознание, мировоззрение и т.д. Когда теоретики атеизма в 1950-е гг. пришли к выводу, что в СССР не осталось социальных корней религии, что отныне ее можно и нужно рассматривать как досадный пережиток досоциалистического сознания, ожидания успешных результатов атеистической агитации и пропаганды еще более усилились. Казалось, достаточно увеличить пропагандистско-разоблачительный натиск на религию, как с ней будет покончено. Отсюда – постоянно звучавшие во всех постановлениях призывы: увеличить, расширить, умножить атеистические мероприятия.

Как мы могли убедиться, внешне в антирелигиозной пропаганде действительно все усиливалось, расширялось, увеличивалось, разнообразилось. Но, во-первых, такая бурная деятельность всегда принимала форму хотя и шумных, но краткосрочных кампаний. Они разворачивались после очередного грозного партпостановления и были краткосрочными. Во-вторых, антирелигиозная пропаганда, по сути, была малоэффективна с точки зрения конечной цели – искоренения религиозного сознания. Нельзя сказать, что она совсем не достигала результатов, но воздействие ее на верующих было не столь эффективным. Основная часть атеистической работы охватывала неверующие массы людей и в таких условиях, если можно так выразиться, носила превентивный характер.

Однако наибольшие трудности для организаторов пропагандистских акций начинались при работе с верующими. Тон, которым велась агитация и пропаганда, приемы, которые использовались, ничего, кроме чувства обиды, возмущения, у верующих вызывать не могли. Все официальные партийные документы, посвященные проблемам атеистического воспитания, лицемерно декларировали неукоснительное соблюдение принципов свободы совести, недопустимость внесения в борьбу с религиозной идеологией оскорбления чувств верующих, отказ от административного вмешательства во внутренние дела религиозных организаций. Так, в постановлении от 7 июля 1954 г. подчеркивалось, что атеистическая работа должна проводиться методом убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуального подхода к верующим [3. С. 72].

В специальном постановлении ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» даже осуждались факты вмешательства во внутренние дела религиозных организаций, политических выпадов против духовенства. В постановлении заявлялось, что оскорбительные действия по отношению к церкви, священнослужителям, верующим несовместимы с линией партии в проведении научно-атеистической пропаганды, противоречат Конституции СССР [3. С. 76]. Но все это были слова, пустые фразы. В 1940–60-е гг. провозглашенные принципы, как и раньше, оставались лишь на бумаге.

Отношение же самих верующих к такой пропаганде и к лицемерно объявлявшимся принципам свободы совести лучше всего было выражено представителями отколовшейся от Всесоюзного Совета Евангельских христиан-баптистов части. В своем письме они подчеркивали: «Настроенные клеветой до крайней ненависти против верующих борцы с религией начинают всерьез думать, что верующие вообще не люди, поэтому с ними можно сделать что угодно и может ли у них быть что-либо человеческое, какие-либо чувства и принципы, ибо, буквально попирая ногами верующих, но на каждом шагу не стесняясь издевательски употребляют при этом модное выражение: «Мы ведем научно-атеистическую борьбу с религией, не оскорбляя чувств верующих» [35. Л. 366]. Баптисты-инициативники решительнее и смелее высказались по поводу атеистической пропаганды, но представляется, что к ней точно так же относились и верующие других конфессий.

Анализ партийной работы по атеистическому воспитанию, организации антирелигиозной пропаганды в 1940–60-е гг. был бы неполным без учета следующего. Уже отмечалось, что в рассматриваемые годы принималось большое количество партийных постановлений, требовавших активизации такой работы. Не вызывают сомнения масштабы и размах мероприятий, направленных на выполнение этих постановлений. Было бы неправильно считать, что такая работа не имела результатов. Все-таки безрелигиозное и, тем более, антирелигиозное воспитание, осуществлявшееся десятилетиями в нашей стране, в конечном итоге сделало свое дело.

Но здесь хотелось вернуться к вопросу: почему во всех своих постановлениях по атеистической работе партийные комитеты констатировали ее удовлетво-

рительное состояние, почему пропагандистские антирелигиозные мероприятия проходили в форме хотя частых и шумных, но краткосрочных кампаний, которые охватывали в основном безрелигиозное население?

Принимавшиеся высшими партийными инстанциями грозные постановления на низших уровнях партийной структуры – в первичных парторганизациях – не могли быть выполнены никогда в силу целого ряда причин. Очень низким был общеобразовательный уровень большинства рядовых коммунистов. В таких условиях не могло быть квалифицированной атеистической работы. Партийные организации были не в состоянии изучать особенности конкретных религиозных организаций, действовавших в той или иной местности, не знали сути вероучений, методов работы религиозных проповедников. На местах не знали, что можно противопоставить религиозной идеологии. Многие руководящие работники не вели никакой атеистической работы из-за скудости своих знаний, а иногда из-за этого попадали просто в неловкое положение. Секретарь партийной организации мебельного комбината г. Омска А. Валиев на вопрос, почему он не вел работу с сектантами-молоканами, трудившимися у него на предприятии, ответил, что молокане – это не сектанты, а нация, народность, то же самое, как, скажем, узбеки или киргизы [36. Л. 126]. Это был ответ человека, который по положению отвечал за атеистическую работу у себя в трудовом коллективе.

Немаловажным, на наш взгляд, является и тот факт, что многие рядовые коммунисты были пассивны в партийном деле антирелигиозного воспитания в силу того, что сами по традиции, не афишируя, соблюдали некоторые религиозные обряды. Бесспорным является факт массового участия людей, в том числе и коммунистов, в гуляниях по случаю религиозных праздников. У некоторых коммунистов среди близких были верующие, поэтому они при всем желании не могли видеть, какой вред делу коммунистического строительства могли нанести мать, отец, жена (и т.д.) – верующие. Неслучайно большинство атеистических мероприятий, особенно на селе, проводились формально, для «галочки».

Следует назвать и более серьезные причины, которые объективно обрекали антирелигиозную работу если не на неудачу, то на малую результативность по сравнению с количеством вложенных в нее усилий.

В 1940–60-е гг. уровень анализа состояния и причин религиозности оставался неудовлетворительным. В распоряжении организаторов атеистического воспитания не было социологических данных о состоянии религиозности в той или иной местности, потому что такие обследования не проводились. Вернее, они начали проводиться с 1960-х гг., но в большинстве своем выводы, которые делались в результате таких исследований, не выходили за рамки стереотипных представлений о состоянии религиозности в стране, ее причинах, характере и т.д. Создается впечатление, что данные исследований как раз подгонялись под эти «теоретико-идеологические» представления. Поэтому о религиозной обстановке судили в основном по информации уполномоченных Совета по делам религий. А в них не всегда содержалась достоверная информация, либо ее составители делали выводы, не соответствовавшие

действительности. Например, уполномоченный по Кемеровской области А. Ефремов в справке, составленной для обкома КПСС, привел цифры, свидетельствующие о росте числа религиозных организаций и расширении их состава. Но в конце справки он сделал несколько странный вывод: дескать, из этих цифр вовсе не следовало считать, что в стране и в области происходил рост религиозности, увеличилось количество верующих. «Наоборот, – заявлял Ефремов, – в результате победы социализма, общего роста культуры, образования, сознательности происходит постепенный, но неуклонный процесс отхода верующих от религии и ее организаций» [37. Л. 30].

Конечно, в условиях, когда отсутствовали серьезные попытки разобраться в причинах существования религии (вместо этого, как заклинание, велась речь о неуклонных успехах атеизации), о научном подходе к выбору форм, средств и методов ведения атеистической работы говорить не приходилось. Так, при проведении атеистической пропаганды не ставился вопрос об учете социальной, национальной принадлежности, профессиональных, возрастных особенностях, образовательном уровне верующих, не было и дифференцированного подхода к конфессиональным особенностям. Отсутствовал аргументированный критический разбор религиозного вероучения. Не изучалось отношение верующих к проводимым мероприятиям.

Во всех атеистических мероприятиях – лекциях, докладах, вечерах, газетных публикациях – находили отражение те представления о месте и роли религии и атеизма в истории человечества, которые господствовали в тот период в теоретических изысканиях. А представления об этом, причинах существования и воспроизводства религии, ее функциях были однобоки и поверхностны.

Упрощенный взгляд на эволюцию религии при социализме приводил к предположению, что достаточно ликвидировать эксплуатацию, снять социальные антагонизмы, как это автоматически приведет к краху религии. В выступлениях лекторов, докладчиков, партийных работников господствовал тезис о том, что социальные причины религии в СССР уничтожены. Схема рассуждений теоретиков и практиков атеистической пропаганды в изучаемые годы была достаточно проста: социализм уничтожает религию. А коли она все-таки существовала, ее объясняли как неизбежный на некоторое время пережиток. Например, выступивший с докладом на пленуме Кировского райкома КПСС г. Новосибирска (1954 г.) секретарь райкома А. Пирогов отнес к наиболее живучим и распространенным пережиткам капитализма пьянство и религиозные верования. При этом докладчик заявил, что «в нашем социалистическом обществе социальных причин для распространения таких уродливых явлений и быть не может. Они давно у нас ликвидированы. Постоянный и неуклонный рост материального и культурного уровня народа, широкая поддержка творческой инициативы, большая сеть культурно-просветительских учреждений создают жизнерадостную обстановку» [38. Л. 113]. Приведенная цитата наглядно демонстрирует существовавший тогда теоретический уровень осознания причин существования

религии, а также подходы к оценке достигнутых «успехов» в социалистическом строительстве.

Показательно и то, что в повестке дня пленума РК КПСС, о котором мы упоминали, значился вопрос «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды и здорового быта среди населения». Причем это был не единичный случай, когда партийный комитет совместил обсуждение проблем атеистической работы и «здорового быта». Подобные вопросы в повестках заседания бюро имели Тюкалинский райком КПСС Омской области [39. Л. 58], Томский райком КПСС [40. Л. 1], Тобольский ГК КПСС и др. [41. Л. 109]. Такое совмещение вопросов было вовсе не случайно, а являлось результатом соответствующего отношения к религии, когда «вред, приносимый ею обществу», сравнивали с вредом, доставлявшимся пьянством. Даже таким сравнением пытались унижить и религию, и церковь, и верующих. В принципе же такая аналогия вытекала едва ли не из пресловутого марксистского определения религии как опиума для народа и ленинского как «рода духовной сивухи».

В 1940–60-е гг. главные причины наличия (или сохранения, как тогда подчеркивалось) религии в социалистическом обществе видели: 1) в действии общесоциологического закона «отставания общественного сознания от общественного бытия»; 2) в силе привычек и традиций «сохранившегося кое-где мелкобуржуазного индивидуума»; 3) во влиянии капиталистического окружения [42. С. 79].

По поводу капиталистического окружения было множество вариаций. Например, секретарь Рубцовского ГК КПСС В. Киселев в одном из выступлений заявил о причинах сохранения религии в СССР, что это «являлось одним из направлений идеологических диверсий империализма, который насаждает религию и всякого рода реакционные секты» [43. Л. 44]. В докладе секретаря Асиновского ГК КПСС (Томская обл.) было записано: «В связи с обострением международной обстановки оживилась деятельность религиозных сект» [44. Л. 1–3].

Среди других причин сохранения религии в социалистическом обществе также назывались активность духовенства, с одной стороны, а с другой – слабая атеистическая работа. Что касается первой, то, как свидетельствуют факты, под активностью понималась чаще всего нормальная «профессиональная» деятельность священнослужителей. По поводу второй следует подчеркнуть, что само существование религии в советском обществе многие теоретики и практики атеизма нередко выводили из недостаточной антирелигиозной пропаганды. Эта мысль красной нитью проходила во всех принимавшихся постановлениях. Так, в протоколе бюро Омского ОК ВЛКСМ (1954 г.) было записано: «В результате того, что мало читается лекций на естественно-научные и научно-атеистические темы, в районе живы религиозные пережитки» [45. Л. 22]. Поэтому, видимо, из года в год повторялись требования поднять действенность атеистической пропаганды, увеличить количество лекций, бесед, вечеров и тому подобное. Этим и объяснялся поток партийных постановлений по антирелигиозной пропаганде, которые подчас некому было выполнять, что и хорошо.

Таким образом, в 1940–60-е гг., как и в предшествующие, никакого идейного спора с религией и ее но-

сителями не было, диспута тоже. Силы сторон, которые могли бы поучаствовать в споре: атеизм – религия, в нашей стране были совершенно неравны. У тех, кто считало себя атеистами (антирелигиозниками, антицерковниками) в распоряжении были неограниченные возможности, которые предоставляло им даже не светское, а антицерковное, антирелигиозное, безбожное государство: все средства массовой информации, все учреждения культуры, все воспитательно-образовательные программы, все законы, аппарат принуждения, многочисленные общественные организации. У другой стороны ничего этого не было, кроме тысячелетней истории, органической тяги людей к Богу, кроме самой религиозной веры.

У атеистов советского образца почти не было проблем, они знали ответы на все вопросы, поиска истины тоже не было, она им была ясна. В лучшем случае можно считать, что научный атеизм, по сути, был сведен к идейной критике религии и разоблачению церкви. Но атеистическая пропаганда была заменена антирелигиозной борьбой. Основными чертами ее были невнимание и неуважение к людям, безапелляционность и нетактичность, оскорбительный тон.

Можно еще раз повторить мысль о том, что вся советская практика так называемого атеистического воспитания, атеистической пропаганды нанесла серьезный «моральный» урон самой идее атеизма, ибо и атеизм у нас оказался несвободен, как несвободна была религия. Положение атеизма в Советском государстве очень сильно напоминало положение православной религии в дореволюционной России. Как писал А. Левитин, известный в 1960-е гг. правозащитник, «атеизм у нас не свободен именно потому, что он принудителен, общеобязателен, бесспорен... Борьба за свободу религии есть поэтому борьба и за свободу атеизма, ибо методы принуждения (прямые или косвенные) компрометируют атеизм, лишают его всякой идеологической значимости, всякого духовного обаяния» [46. С. 101–102].

Атеизм и религия сами по себе являются продуктами огромной духовной работы человечества. Спор между атеистами и теистами насчитывает тысячелетия. Были времена, когда люди расплачивались за свои безрелигиозные убеждения. Новейшая история Российского государства, к сожалению, дала обратные примеры.

Кроме того, представляется, что в определенной степени было искусственное раздувание «религиозного вопроса». Масштабные пропагандистские усилия, подпитывавшиеся огромными материальными ресурсами, которые направлялись на искоренение религии, были явно не сопоставимы с тем гипотетическим «вредом», который религия якобы наносила обществу. Особенно если помнить, сколько в советском обществе и государстве было действительно нерешенных проблем.

Но, видимо, сказывалась органическая тяга тоталитарной партии и тоталитарного государства искать, находить и уничтожать врагов. Когда в стране было покончено с контрреволюцией, оппозицией, буржуями, кулаками, «врагами народа», единственным видимым противником партии и государства оставалась религия, ее институты и ее носители, борьба с которыми нанесла непоправимый и, видимо, пока до конца не осознанный урон российскому обществу и народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Митрохин Л.* Баллада об атеистическом топоре // Религия и права человека: На пути к свободе совести. М.: Наука, 1996. Вып. 3.
2. *Московские новости.* 2003. № 36.
3. *О религии и церкви.* М.: Политиздат, 1981.
4. *Поспеловский Д.* Русская православная церковь в XX в. М.: Республика, 1995.
5. *ГАКО.* Ф.п. 75. Оп. 7. Д. 39.
6. *ГАНО.* Ф.п. 4. Оп. 33. Д. 1768.
7. *ЦХАФ АК.* Ф.п. 484. Оп. 16. Д. 148.
8. *ЦДНИТюо.* Ф. 1841. Оп. 1. Д. 8.
9. *ЦДНИОО.* Ф. 17. Оп. 62. Д. 46.
10. *ЦДНИТО.* Ф. 482. Оп. 1. Д. 347.
11. *ГАНО.* Ф. 1275. Оп. 1. Д. 51.
12. *ЦДНИТО.* Ф. 607. Оп. 1. Д. 33.
13. *ЦХАФ АК.* Ф. п. 1. Оп. 104. Д. 769.
14. *ЦДНИТюо.* Ф. 124. Оп. 134. Д. 113.
15. *ЦДНИТО.* Ф. 607. Оп. 1. Д. 2712.
16. *Шильдяшов И.* Атеисты наступают. Барнаул: Книж. изд-во, 1961.
17. *Бобровникова А.* Мой опыт индивидуальной работы с верующими. Барнаул: Книж. изд-во, 1964.
18. *Кашиников М.* Религия отступает. Барнаул: Книж. изд-во, 1966.
19. *ЦДНИОО.* Ф. 14. Оп. 6. Д. 374.
20. *ГАНО.* Ф. 1741. Оп. 1. Д. 5.
21. *Постановление* Пленума Правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Стенографический отчет. М.: Знание, 1955.
22. *ЦХАФ АК.* Ф. п. 10. Оп. 2. Д. 4.
23. *ГАКО.* Ф. п. 75. Оп. 7. Д. 164.
24. *Кузбасс.* 1954. 5 янв.; 11 авг.
25. *Тюменская правда.* 1954. 16 янв.; 16 июля; 10 авг.
26. *Советская Сибирь.* 1958. 19 марта.
27. *Тюменская правда.* 1959. 4 ноября.
28. *Красное знамя.* 1959. 18 дек.
29. *Алтайская правда.* 1958. 27 июля.
30. *Алтайская правда.* 1959. 26 июля.
31. *Кузбасс.* 1957. 23 янв.
32. *Кузбасс.* 1957. 4 апр.; 11 мая.
33. *Комсомолец Кузбасса.* 1954. 29 сент.
34. *Омская правда.* 1959. 5 июня; 17 июня.
35. *ГАКО.* Ф. 964. Оп. 1. Д. 17.
36. *ЦДНИОО.* Ф. 764. Оп. 4. Д. 126.
37. *ГАКО.* Ф. п. 75. Оп. 8. Д. 316.
38. *ГАНО.* Ф. п. 62. Оп. 1. Д. 712.
39. *ЦДНИОО.* 17. Оп. 62. Д. 28. Л. 58.
40. *ЦДНИТО.* Ф. 558. Оп. 27. Д. 29.
41. *ЦДНИТюо.* Ф. 35. Оп. 4. Д. 326.
42. *Худяков С.* Важные вопросы научно-атеистической пропаганды // Коммунист. 1954. № 13.
43. *ЦХАФ АК.* Ф. п. 1845. Оп. 13. Д. 44.
44. *ЦДНИТО.* Ф. 27. Оп. 1. Д. 778.
45. *ЦДНИОО.* Ф. 4. Оп. 32. Д. 118.
46. *Левитин (Краснов) А.* Защита веры в СССР. Рук. Париж, 1966.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 28 ноября 2004 г.